

Та осень останется в моей памяти навсегда. Она познакомила меня с маленьким мальчиком, и эта короткая встреча перевернула многое в моей голове. Выходя солнечным тёплым днём на послеобеденную прогулку, я и не думал, что когда-то сяду писать об этом рассказ. Впрочем, прогулок было три. Три прогулки, что сохраню я в сердце в мельчайших подробностях до конца дней. Но обо всём по порядку.

Был октябрь. Я уже сказал о чудесной погоде, но добавлю: такого солнечного и тёплого октября, как в тот год, я на своём веку не припомню. А пожил я немало, уж поверьте. Так вот, в тот год ещё по весне я вышел на пенсию, но о начале заслуженного отдыха долгое время приходилось лишь мечтать.

Сначала меня атаковали дачные заботы: посадка, прополка, окучивание. Затем против меня выступила армия колорадских жуков. Бои на садовом участке шли с переменным успехом; больше всего в ходе этих столкновений страдала моя поясница. Затем развернулось главное сражение летней кампании – битва за урожай. Когда же я с ним, с урожаем, покончил и готовился праздновать полную и окончательную победу, угораздило меня попасть в плен под названием «ремонт домика». Сколько сил и средств положил я, чтобы вырваться из этого плена!

Так летело день за днём время. Наконец я покончил с делами. С утра ещё чесались руки,

и я нашёл им занятие: поправил забор садового участка, подлатал крышу сарая.

Побездельничав после обеда, сидя на крыльце, я наконец решился. Свистнув Найде – моей молоденькой собачухе неопознанной породы, отправился гулять. Да-да! Просто гулять – без дела, без цели – впервые за многие годы.

Точнее, цель была. Я шёл в «секретное место». Туда, где часто гулял мальчишкой в то время, когда ещё и в помине не было ни этого дачного массива, ни детского оздоровительного лагеря, расположившегося неподалёку. Туда, где гулял в пору голодного послевоенного детства, когда мы жили в деревеньке за несколько вёрст отсюда. В деревеньке, откуда ушёл на войну отец, оставив меня трёх месяцев от роду у мамы на руках. В деревеньке, которой давно нет.

Я шёл не спеша. Синело меж елей небо, а песчаную дорожку украшало шуршащее жёлтое покрывало опавшей листвы. Всё ещё побаливала поясница, обиженная наплевательским отношением к ней во время уборочной страды (от слова «страдать» – точно). В тот год мне удалось поставить рекорд – четырнадцать мешков картошки, и я ужасно гордился. Тогда ещё не знал, что этот картофельный рекорд станет в моей жизни последним.

Папахивало костерком. Вокруг носилась, шмыгая длинным носом и повизгивая от восторга, Найда. Её маленьким продрогшим щенком

86

нашла в подземном переходе жена полтора года тому. Отсюда и имя. Думали: нашли, отогреем, подкормим – да и пойдёт собачка своей дорогой. Но Найда решила иначе... А в тот солнечный день она была просто счастлива идти куда-то со мной, и неважно ей было, куда я иду.

Не удержавшись, поймал собачуху и, присев, давай чесать её мохнатый подбородок и за ухом. Как же ей нравилось! Она была в ту пору ещё совсем молоденькая, моя Найда. Да, её давно уже нет. Собачий век короток, она состарилась и умерла вперёд меня три года как. А я живу. Живу, хоть, может, и задержался. Ну да я не об этом.

Проводив взглядами грохочущий товарняк, спешащий в сторону Котласа, мы с Найдой взобрались на высокую (в несколько метров) железнодорожную насыпь. Перед нами сразу за лужком вытянулась на несколько километров старица Вятки – длинные, довольно узкие, погружённые в леса озёра: Келейное, Боровое, Подозерье – остатки древнего русла реки. Найда, мой двортерьер, часто дыша, водила любопытным носом: в этих краях оказалась впервые.

Итак, наш путь лежал к «секретному месту». Во мне жила уверенность: в целом свете никто (ну или почти никто) не ведаёт, что, если пробраться сквозь перелесок меж Келейным и Боровым, можно выйти на берег ещё одного озера. Я никому о нём не рассказывал да и сам за последние полвека не слышал, чтобы о том озере хоть раз кто-то упомянул.

Будучи пацанами, я и мой друг Пашка Звинякин, невысокий и круглолицый мальчуган, гонимые ветрами любопытства и жадной приключений, нашли это озеро. С Пашкой были мы лучшими друзьями, как говорят, не разлей вода. Его отец, как и мой, не вернулся с войны; впрочем, такая беда случилась почти в каждой семье. На моего бату в конце сорок второго похоронку получили (я тогда ещё пешком под стол ходил); Пашкин – был тяжело ранен, а потом, кажется, сгорел; я особо не расспрашивал: Пашка не любил об этом говорить.

Да, впоследствии встречал я по жизни немало хороших людей, но та детская дружба навсегда осталась в моей памяти как самая настоящая, самая искренняя.

Про озеро договорились с Пашкой никому не рассказывать. Мы называли его просто Старица. Имелось ли у озера другое имя, я так и не узнал. Следы моего друга давно затерялись. А я, по-

грязнув в житейской суете, из года в год всё откладывал вылазку – так и до пенсии дотянул.

Под ногами громко хрустели сучья. Я продирался, придерживая еловые лапы, чтоб не поранить Найду, крадущуюся позади. Наконец мы выбрались на поляну, уткнувшуюся в берег Старицы. Отсюда и начиналось «секретное место». Оно тянулось вдоль всего берега озера примерно на километр.

Здесь, как и раньше, царила тишь. Ни лай деревенских собак, ни шум топора, ни грохот проходящего состава сюда не долетали. Лишь мягкий шёпот сосновых ветвей и никаких посторонних звуков! Сразу нахлынули знакомые чувства родом из детства. Даже тогда, несмотря на голод и всякие мальчишеские заботы, оказываясь на берегу Старицы, я словно переносился в другой мир, настолько красива здешняя природа, так необычны эти места.

Что же сказать о моём возвращении сюда через полвека? Словами это тихое счастье не передать. Единственная мысль, крутящаяся в голове: «Почему я не приходил в это чудесное место так долго?» Всё здесь было прекрасно. И озеро, противоположный берег которого украшал разноцветный осенний лес: зелёные ели, бордовые клёны, жёлтые берёзы. И берег, которым шёл, его причудливый ландшафт: холмики, низинки, ручейки... А вокруг, как в детстве, ни души!

Пребывая в благодном состоянии, я продвигался, узнавая и не узнавая места моего детства. Вспоминались суровые послевоенные времена, но, видно, Старица излучала такую светлую энергию, что на память приходило лишь доброе, счастливое. Вдыхая полной грудью лесную свежесть, брёл я по усыпанному шишками берегу, а душа рвалась ввысь. Если есть рай на земле, то он здесь, по крайней мере для меня. Мой рай.

Я не спешил, смаковал каждый шаг. Немного мешала, отвлекая внимание, Найда. Кажется, она радовалась больше меня и эмоции свои выражала по-собачьи несдержанно: прыгала, повизгивая от восторга, хвост её крутился, как хороший пропеллер.

Наш путь лежал к полянке у дальнего края озера. В детстве мы с другом Пашкой иногда устраивали там посиделки: пекли в угольках картошку, рассказывали истории, делились мечтами. Я хотел немного посидеть там, на берегу, расслабиться, глядя на тихие воды, подумать о чём-то важном, вечном. Да, в следующий раз

(а он обязательно скоро будет, в этом я теперь не сомневался) нужно захватить с собой термос и пару бутербродов для маленького пикника.

Где-то на полпути я заметил: Найда ведёт себя странно. Останавливается и замирает, навострив уши. И стоит так – как вкопанная. Кого она чует? Зайца? Или, может, больную, не могущую взлететь птицу? Вскоре что-то расслышал и я. Шёл и ушам не верил: так не хотелось встретить здесь посторонних, а неясные звуки становились всё громче. Вскоре я увидел ребёнка.

Мальчуган лет пяти копошился у кромки воды. Он самозабвенно строил замок из песка и веточек, что-то бубня под нос. Я замер, удивлённо приглядываясь к пареньку. Крепенький, словно гриб боровичок, светловолосый и круглолицый, он производил самое приятное впечатление. Я было залюбовался, но тут недовольно твякнула ревнивица Найда.

Мальчик вскинул голову.

– Ой! – воскликнул он, восхищённо разглядывая моего двортерьера. – Собачка, как тебя зовут?

Дворняга чуть наклонила мордочку, словно раздумывая, как лучше ответить.

– Найда, – попробовал я вступить в разговор. – Её зовут Найда.

– Что? Найда? – Мальчишка, скользнув по мне взглядом, бросился знакомиться с новым четвероногим другом. – Это что, как Надя?

Я рассмеялся: такое мне в голову ещё не приходило.

– Придержите собаку!

Громкий грубый окрик прозвучал неожиданно. Из кустов, ломая ветки, вывалился невысокий, крепко сбитый мужчина в поношенном камуфляже. Я сразу понял: это папаша – до того походил на него мальчишка. Лишь глаза сильно отличались; точнее, потухший взгляд явившегося выдавал: мужчина не в духе.

– Игорёк, где твой мяч?

Но сын не слышал. Мальчишка уже подружился с собакой, и они нарезали круги по опушке, гоняясь попеременно друг за дружкой. Найда весело потягивала, а Игорёк хохотал так, что эхо, отражённое противоположным берегом, грохотало на весь лес. Я бросил взгляд на мрачного папашу. Казалось, смех сына режет ему уши. Что-то странное читалось в его остекленевших глазах. Взгляд некрасивый. Может, он не выспался или выпил? Но, кажется, папаша начинал закипать.

– День добрый, – робко попытался я сгладить углы. – Не смотрите, что это дворняжка; собака привита и полностью здорова.

Но он, не глядя на меня, лишь процедил:

– Уберите животное.

Животное! Вот те раз! С трудом поймав Найду, я как-то резко нагнулся пристегнуть поводок и получил-таки «выстрел» в поясницу. Вот и расплата за любовь к рекордам! Мои челюсти плотно сжались от боли, глаза зажмурились. И мне привиделся, как наяву, бесконечный, до горизонта ряд вёдер, полных картошки.

В это время папаша оттащивал рвущегося к собаке Игорька. Уходя, я обернулся. Мужчина в камуфляже пытался втолковать парнишке что-то про необходимость соблюдать гигиену, но, кажется, его слова улетали в пустоту.

Доковыляв до полянки на краю Старицы, я призадумался. Сесть на берег не мог из-за разболевшейся поясницы – так и стоял, прислонившись спиной к шершавому стволу древнего дуба. Я помнил это дерево – единственный дуб в округе. В детстве мы с Пашкой не раз пытались вдвоём, взявшись за руки, обнять этот дуб, но, как ни старались, не могли дотянуться. Всё такой же величавый, шуршащий пожелтевшей листвой, за прошедшие пять десятилетий дуб стал лишь крепче. Не как я.

Вместо мудрёных размышлений о чём-то важном, вечном (коим планировал здесь предаться), я думал о своей пояснице. Ну и об этом мальчишке и его странном отце. Как забрели они в эту глушь? Зачем? И что творится с этим не в меру напряжённым папашей? Долго стоять так мне как-то не улыбалось. Пообещав себе и приосмиревшей Найде обязательно вернуться сюда, как только пройдёт поясница, и надеясь на то, что в следующую вылазку не встречу тут посторонних, я двинул обратно.

Я заранее взял Найду на поводок. Отец с сыном пребывали на том же месте. Не желая спровоцировать конфликт, я старался обойти их подалее. Найда, жалобно поскуливая, всё пыталась свернуть к Игорьку. Я одёргивал её.

А мужчина присел, положив ладонь на плечо сына. Тот изменился буквально на глазах. Теперь мальчишка превратился в уменьшенную копию отца: глаза его так же потухли и словно остекленели. Не понимая, за что лишён радости, смотрел он нам вслед.

Зайдя за деревья, я услышал с поляны тонкий голосок:

– Пока, Найда! Ты хорошая! Пока!

Взглянув на навострившую уши собачуху, я вздохнул. Чуть помедлив, ответил за неё:

– Пока, Игорёк!

Так закончился мой первый за долгие годы поход в «секретное место», на Старицу. Погрузившись в наш видавший виды зелёный жигуль, мы с Найдой отбыли в город, на квартиру.

Соскучившаяся жена (она у меня, как вы, наверное, догадались, не слишком заядлая дачница) кормила домашними пельменями, щебетала, делаясь новостями от разъехавшихся по дальним весям детей. Я же, вслух хвастаясь рекордным картофельным урожаем, в уме пытался прикинуть, куда его девать.

Ежедневные уколы и растирания принесли плоды, и через недельку я стал как новенький. Погода по-прежнему радовала теплом и солнцем, но октябрь уже перевалил за середину, следовало готовить дачу к зиме. И мы с Найдой собирались.

* * *

По приезде на дачу я нарезал бутерброды, заварил в термосе чай, отыскал старый плед. Закинув рюкзачок за плечи, свистнул Найде и направился к Старице. Мы шли, разглядывая, как изменился лес всего за неделю. На берёзах и клёнах листвы почти не осталось, и казалось, лес поредел. Солнышко грело как летом, и я шёл в одной лишь рубашке. Найда весело носилась вокруг – много ли собаке надо для счастья?

Вскарабкавшись на железнодорожную насыпь, я на несколько секунд задержался, разглядывая дальние дали. Затем, с надеждой на то, что этот поход станет более удачным, спустился к поджидавшей Найде, и мы углубились в лес.

На сей раз, едва оказавшись на берегу Старицы, Найда рванула вперёд. Она убегала всё дальше и дальше, нетерпеливо поскуливая, дожидаясь меня. Ну а мне, естественно, эта спешка не нравилась, ведь я пришёл сюда гулять, а не готовиться к чемпионату по спортивной ходьбе.

Вскоре я понял, куда так рвалась моя собака. Она оставила меня в одиночестве, учесав далеко вперёд, за деревья.

Я шёл по берегу не спеша, и тут вдруг до моих ушей донёсся всё тот же знакомый мальчишеский голос:

– Найда! Найда, ты вернулась!

Игорёк! Я ускорил шаг: нужно скорее взять Найду на поводок и сматываться от его недобровольного папаша. Встреча с ним не сулила ничего хорошего. Да что же они, совсем не уходят отсюда?

Но что это?! Выйдя из-за деревьев, я оторопел. Уж чего не ожидал – так этого!

На полянке резвились все трое: Найда, Игорёк и его угрюмый папаша. Точнее, уже не угрюмый. Его было не узнать. Теперь передо мной он предстал совершенно другим человеком – весёлым, добрым. На нём и одежда была другая: бежевая футболка и джинсы. Вначале отец с сыном пытались поймать мою визжащую собачуху, потом все дружно кинулись ловить Игорька. Как же смеялся этот мальчишка! Его звонкий хохот до сих пор звенит у меня в ушах.

Наконец меня заметили. Мальчик продолжал играть с дворнягой, а его отец, явно смущённый, направился ко мне. Мы поздоровались, и он протянул руку, представился.

– Кирилл. А это, – он показал взглядом, – Игорёк, мой сын.

В этот миг мне показалось, что по лицу Кирилла пробежала тень, что он снова сделался мрачен, как на прошлой неделе. Но это длилось лишь мгновение.

Я собирался, как заведено в таких случаях, сказать пару фраз о погоде, но тут Найда, убежавшая от Игорька, вздумала прятаться за моими ногами. Я тоже стал её ловить и не заметил, как включился в игру. Вчетвером мы резвились в этом чудном месте: бегали, кричали, смеялись, катались по траве. Подобного урагана эмоций я не припомню. Конечно, этим взрывом счастья мы все были обязаны неугомонному Игорьку. Не будь здесь его – сложно представить, что мы стали бы дурачиться так.

Вволю нарезвившись, решили перекусить. Я расстелил на берегу плед и достал из рюкзака запасы. Кирилл принёс корзинку с овощами, хлебом и сыром. Оказалось, сыр – одно из любимых лакомств Игорька. Во время обеда весёлое настроение не покидало нас.

Игорёк по-детски наивно рассуждал:

– Когда я стану большим, как папа, я заведу большую собаку и мы пойдём с ней вместе работать на границу. Будем ловить там шпионов и зайцев, и нам дадут много медалей.

И мы смеялись, смеялись...

Потом, оставив на пледе недоеденное яблоко, мальчишка вновь побежал, гогоча, за собакой.

– Мы читаем сейчас книжку про пограничников, – пояснил отец Игорька.

Я всё собирался и забывал спросить у Кирилла, как он нашёл это место, и только открыл рот, но не успел.

Кирилл, глядя на озеро, тихо промолвил:

– Мальчик скоро умрёт.

Пребывая в радужном настроении, я поначалу не уловил смысла этих слов. Что?! О чём он? Кирилл, помолчав, повернулся ко мне. Его глаза переполняли слёзы. Он хотел продолжить, но не мог из-за нахлынувших чувств. Папа мальчика вновь отвернулся к озеру, чтобы я не видел, как он плачет. Я молчал, слыша вдали звонкий смех Игорька и наблюдая, как подёргиваются плечи его отца. Я посмотрел на недоеденное яблоко. Там, где откусил Игорёк, оно стало тёмно-коричневым.

Резвясь, пара теперь уже закадычных друзей – мальчишка и собачка – подлетели к нам. Игорёк подхватил кусочек сыра. Откусил сам и поделился с Найдой.

– Пап, мы весной построим кораблик и поплывём по озеру?

Кирилл сидел отвернувшись, не в силах ответить. Он лишь часто кивал.

Я попытался прийти на помощь:

– Э-э-э... Да. Да! Вы поплывёте, конечно...

– Папа мне говорил! Мы очень-очень далеко поплывём. Это будет такое... – Игорёк задумался, вспоминая слово. – Путешествие, вот.

– О! – только и мог выдать.

– Может, мы даже в океан поплывём. Пап, а Найда с нами поплывёт?

Не дожидаясь ответа, он опять убежал, хоча.

Я крикнул вдогонку:

– Конечно, поплывёт!

Успокоившись, Кирилл повернулся ко мне.

– Спасибо, что отпускаете с нами Найду. – Он грустно улыбнулся. – Дети – такой наивный народ, многому верят; наверное, от этого им легко живётся.

Мы помолчали, затем он сказал:

– Всё так нелепо. До сих пор не приму, что происходит это с нами, на самом деле. По телевизору часто показывают сюжеты о серьёзно больных детях. Онкология там, или проблемы с сердцем, или ещё что. Я даже перечислял им какие-то копейки пару раз – наверное, подсознательно откупался от совести. Мне всегда казалось, что всё это где-то далеко, словно на другой

планете. Никогда не думал, что такое может коснуться и нас.

Кирилл говорил тихо, слова не должны были улететь дальше моих ушей. Мне приходилось напрягаться, чтобы расслышать.

– Вы же видите, какой он, этот человек! До ста считает запросто и книжки сам читает по слогам. Да ладно это! Он ведь очень добрый, мухи не обидит. С любыми детьми да и со взрослыми общий язык находит моментально. Даже с собакой вашей мигом подружился. Воспитатели в садике говорят, что им интересно с Игорьком общаться, он так обстоятельно, по-своему обо всем рассуждает... Всё так замечательно шло, даже слишком замечательно. И вдруг этот убийственный диагноз!

Я молча слушал отцовскую исповедь. А весёлый детский смех не давал поверить тихим страшным словам:

– В самом начале сентября Игорёк почувствовал лёгкое недомогание. Мы с женой обратили внимание, что он меньше играет, подолгу лежит, глядя в потолок. Оказалось, температура. Небольшая – тридцать семь и две, тридцать семь и три всего. Ну, думаем, не страшно, продуло где-то. Поначалу даже и таблеток не давали: зачем лишний раз ребёнка химией пичкать? Жена отгулы взяла, сидела с малышом, шиповник заваривала да на ночь молоко горячее с мёдом. У него по утрам и температуры-то не было, к обеду появлялась... С неделю ждали. Игорёк уже и выглядел вполне здоровым – и бегал, и играл как ни в чём не бывало. Но температурка держалась, и мы повели его по врачам. Одно обследование, другое. Ничего доктора не находили. А потом сделали томографию. Короче, глиобластома или как там её. Это опухоль такая, неоперабельная, четвёртая стадия, шансов нет никаких.

Он вновь, тяжело задышав, резко отвернулся к озеру и изменившимся, срывающимся голосом еле слышно продолжил:

– Он ведь у нас один-единственный, долгожданный... Долго не получалось зачать, потом два выкидыша подряд случились... Мы уж и не мечтали стать родителями... Когда Игорёк появился на свет... это стало для меня... для нас... чудом! Мы были самыми счастливыми родителями в мире... А теперь – самые несчастные... У нашего сына рак, у меня до сих пор язык не поворачивается... Онкология в пять лет – как страшно... Знаете, я так мечтал сводить его в на-

стоящий многодневный поход... Научить ловить рыбу... А когда подрастёт, обучить водить машину... И вот...

Посматривая на резвящегося в нескольких метрах мальчишку, я не мог проглотить комок, стоявший в горле. Неужели этот человек так и уйдёт из нашего мира? Не пойдёт в первый класс и не получит аттестат, не испытает чувство первой любви и радость отцовства... С другой стороны, не познает он и что такое ложь, предательство, измена. Его сердце не успеет огрубеть, а совесть останется чистой. Так и уйдёт ангелочком.

Когда заговорил, голос мой хрипел, словно я неделю скитался без воды в пустыне:

– Медики тоже люди, могут и ошибиться.

– Хорошо бы, но диагноз перепроверен.

– Так что, совсем ничего нельзя сделать?

– Всё лечение, какое возможно, – это превратить нашего мальчика с помощью лекарств в овощ. В таком состоянии он сможет протянуть несколько месяцев, максимум год. Мы с женой долго думали и поняли: этого не хотим. Трудно принимали решение, но наш выбор такой. Сейчас у Игорька ремиссия: болезнь никуда не ушла, лишь затаилась для решающего удара. Когда это произойдёт, неизвестно, может, через месяц или завтра... – Плечи Кирилла вновь задрожали; еле справляясь с собой, он закончил: – Мы решили: пусть радуется жизни сколько отпущено.

К нам подбежали наши озорники – Игорёк и Найда, мальчишка вновь выудил кусочек сыра. Я видел, что Кирилл, всё ещё отвернувшись к озеру, пытается скорее прийти в себя, трёт носовым платком щёки.

– Папа! Ну что ты всё сидишь да сидишь? – Игорёк откусил сыр, а оставшийся скормил довольной Найде. – Бежим с нами играть!

– Да-да, малыш. – Кирилл, выдавив улыбку, наконец обернулся. – Вы играйте, а мы сейчас подойдём.

– Ой! Что это? – улыбающийся Игорёк подошёл к отцу, протягивая пальчики к его щекам. – У тебя глазки мокрые.

Кирилл, сидя, притянул к себе сына. Крепко крепко обняв, поцеловал в щёчку.

– Это, малыш, так... Это соринка в глаз попала.

– А! Понятно! – Игорёк выкрутился из отцовских объятий и, звонко гогоча, побежал за соба-

кой. – Найда! Найда! Соринка попала! Ха-ха! Соринка! Попала!

Мы встали, и Кирилл повернулся ко мне:

– Вы простите меня за нашу первую встречу. Я тогда почему-то думал, что с животными Игорьку лучше не контактировать. Ну мало ли что. А сейчас понял: всё, что приносит ему радость, хорошо. Потому мы и гуляем здесь каждый день: Игорьку тут нравится очень.

Я молча обнял Кирилла. Обнял по-отечески, всё-таки он годился мне в сыновья.

А потом мы играли. Целый день, до самого вечера. Играли в ляпы и в прятки, валялись в кучках опавшей листвы. Я показывал Игорьку, как дрессируют собак. Мы строили домик для Найды и учились втыкать в землю перочинный ножик.

Я повёл их на дальнюю полянку, к древнему дубу. Втроём, взявшись за руки, мы смогли его обнять. Там мы и разожгли костерок. А потом втроём (включая Найду) внимательно слушали забавную сказку, которую Кирилл сочинял на ходу. Сказку о приключениях маленького отважного мальчика, подружившегося с собачкой и отправившегося с ней в дальние страны на поиски клада.

Ни слова больше не было сказано о болезни Игорька. Мы шутили и смеялись, радуясь жизни. А когда пришла пора расставаться, на минутку притихли. Я лихорадочно соображал, как бы мне поддержать Кирилла. Что чувствовал – выразить словами не мог. Я крепко пожал его протянутую руку.

– Знаете, у меня в этом году рекордный урожай. Картошку не знаю куда деть. Может, возьмёте пару мешков? Денег не надо.

Кирилл улыбнулся:

– Мы картошку очень мало едим, да у нас и хранить негде. Спасибо вам за этот день.

Я кивнул Кириллу и нагнулся к Игорьку, этому славному мальчугану. Мы попрощались с ним за руку, по-мужски.

– Пока, Игорёк! – Моя душа рвалась обнять этого человека, но я почему-то сдержался.

– До свиданья! Не забудьте поиграть с Найдой и дать ей кусочек сыра.

И они ушли. Я вспомнил, что за целый день так и не спросил Кирилла, как тот нашёл моё «секретное место». Думал, что встречу с ними ещё не раз, собирался прийти на Старицу через пару дней. Но планам моим не суждено было сбыться.

На следующий день меня свалил инсульт. К счастью, за все прожитые годы инсульт случился у меня лишь дважды. Тот раз был первый. Помню, к обеду пошёл мыть руки, встал перед умывальником, а двинуться – никак. Дальше не помню. Хорошо, соседи через два участка услышали, как Найда скулит, пришли проведать. Нашли меня валяющимся на грядке и бормочущим что-то несвязно. Могло и хуже кончиться: народу по осени в нашем дачном массиве совсем негусто.

Меня поместили в неврологию Северной больницы, где я заново научился самостоятельно держать ложку, справлять нужду и ходить. Так и не понял, в честь чего тогда слёг. По мнению лечащего врача, перетруился на огороде. Именно там, в палате, я узнал от навещавшей жены, что по весне, если оклемаюсь, стану дедом.

Пока приходил в себя после инсульта, всё переменялось. Северо-восточный ветер принёс похолодание и тучи, мир изменился. Выходил из больницы я через три недели. Помню, в тот день как раз выпал первый снег. А первый снег для меня всегда много значит. Когда он выпадает – словно всё вокруг обновляется и начинает жить с чистого листа. В такие моменты у меня обычно радостно-приподнятое настроение. Только не в ту осень.

Я шёл к автобусу; рядом, поддерживая под руку, как всегда, щебетала жена. Прозрачный и свежий воздух бодрил. На дорогах блестели лужи от тающего снега. Газоны напротив всё ещё белели, укрытые пушистой холодной периной. Мне бы радоваться всему этому: и выписке, и первому снегу. Но на душе лежал камень. Мне было тяжело. Очень. Из головы не шёл Игорёк и связанные с этой ситуацией философские вопросы. Я думал о том, как странно устроена жизнь, и всё такое. Действительно, мир изменился.

Уже понимая, что из-за инсульта не попаду на Старицу как минимум до весны да и мои новые друзья Кирилл и Игорёк вряд ли гуляют там в такую погоду, я смирился с болезнью. Осень незаметно перетекла в зиму, а у зимы свои заботы.

Вечерами же, выключив телевизор после программы «Время», я подолгу сидел, размышляя, в своём старом добром кресле. Лёжа на подстилке, Найда взирала на меня снизу вверх,

с готовностью ожидая команды; ловила каждое моё движение, наострив уши; гипнотизировала моими глазами, словно умоляя идти гулять. Но я не поддавался.

Время позднее, ещё одна прогулка мне ни к чему. Стараясь не шевелиться, сидел я в такие минуты, прикрыв веки. Слышал, как копошится на кухне жена, и думал об Игорьке и его родителях. Впрочем, не только о них, а вообще обо всех родителях, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. О той непомерной тяжести, вдруг свалившейся на их плечи. О том, как страдают они, зная, что ребёнок их смертельно болен, при этом продолжая гулять с ним, играть, учить чему-то, улыбаясь, не подавая вида, чтобы не смутить ненароком малыша.

Как же тяжело им в бессильном отчаянии сознавать, что смерть с каждым днём, с каждым часом всё крепче сжимает своими холодными щупальцами их чадушко, их малыша, которого они родили, растили, вкладывая в него душу и сердце. Как же тяжело им взирать с нежностью и болью на их обессиленного ребяточка. О, эти некрасивые и святые родительские глаза, уставшие от бессонных ночей и слёз! О, эти люди, готовые пожертвовать всем, лишь бы хоть немного облегчить участь детей, люди, позабывшие о земных благах, люди, устремлённые к небу...

Правильно сказано в одной книжке: страшнее, чем умирать от рака, только когда умирает от рака твой ребёнок.

А ещё мне почему-то вспоминались рассказы соседа по больничной палате. Тот много и долго говорил о внуке – как часто путешествует он с родителями по всему миру. Семилетний паренёк уже объездил полсвета: катался на горках в парижском Диснейленде, летал с отцом на аэростате над Пиренеями и знал, в каком уголке мира подадут лучшие фуа-гра и тирамису.

А из моей головы не шёл Кирилл. Наверняка, если бы имел такую возможность, он провёз бы своего Игорька по всем самым красивым местам планеты. Но, похоже, Игорёк уйдёт из жизни, не повидав ничего краше нашего озера. Да, жаль... Но ведь Игорёк был счастлив на Старице, наверное, не меньше, чем тот паренёк в Диснейленде.

Сосед по палате хвастал путешествиями внука, как каким-то важным достижением. Я, конечно, был рад за паренька, но вот сейчас до меня по-настоящему дошло: семья этого мальчугана и родители Игорька, живя в одном городе,

а может, даже на одной улице, в одном доме, существуют в абсолютно разных измерениях. И им, тем благополучным родителям, какими бы они хорошими и добрыми ни были, никогда до конца не понять родителей, попавших в такой переплёт, как папа и мама Игорька. Не скажу, плохо это или хорошо. Это просто факт, и ничего с ним не поделаешь, хоть ты тресни!

И ещё. Когда лежал в больнице, видел передачу об одном очень известном, немолодом уже скульпторе. Показывали его громадную двухэтажную квартиру в центре Питера. Этот скульптор подробно рассказывал о своём чудо-жилище: в какой стране заказывал ту люстру, где покупал этот сервант и так далее. Потом он заявил, что несколько лет назад приобрёл полуразрушенный замок во Франции. Но последние годы все свои силы и средства он вкладывал в обустройство этой квартиры. И вот наконец с квартирой закончил, теперь начинает ремонтировать замок.

Я тогда подумал: «Мы, люди, обустраиваемся на земле так, словно собираемся жить здесь тысячи лет. Драгоценное время тратим на обустройство, а когда всё готово – жизнь уже и кончилась. А ведь сервант на тот свет с собой не утащишь...»

К весне я совсем оклемался, но ни о каких садоводческих рекордах даже не помышлял. Излишки прошлогоднего картофеля мне с трудом удалось пристроить в расположенный на соседней улице детский дом.

В конце апреля в Киров приехала рожать дочь с зятем. У жены, всю жизнь проработавшей во втором роддоме, остались кое-какие связи. Поэтому мы все страховались, надеясь на какое-то особое отношение. Впрочем, как говорят, дома и стены помогают. Всё прошло благополучно. В срок, как положено, на свет появилась наша первая внучка (сейчас она перешла, кажется, уже в девятый класс). Мы были счастливы.

Всё-таки я был не прав: мир не стал другим, он тот же всегда. Но изменился я, моё отношение к себе и этому миру. Жертвовать здоровьем ради лишнего мешка картошки я теперь не желал. Все свои посевы я сократил в несколько раз; освободившаяся территория превратилась в широкую лужайку, на которой стало можно играть с Найдой, жарить шашлык или просто валяться с журналом в руках.

Я уговорил жену, и она всё чаще стала составлять нам компанию в поездках на дачу. Но

ездили мы теперь туда не надрываться, а отдыхать. Устраивали посиделки за чашкой чая, ходили купаться, много гуляли. Я даже удочки смастерил, и впервые за многие годы мы отправились на рыбалку.

Конечно, водил жену и в своё «секретное место». Впрочем, особого впечатления от прогулок на Старицу, как я понял, она не получила. И ясно почему. Ведь я рассказал ей про Игорька и его папу Кирилла. Каждый раз, идя на Старицу, ставшую нашим «озером надежды», мы с замислением сердца ждали встречи с ними. Надеялись на чудо, и нам было как-то не до природных красот. Но чудо произойти не спешило.

Да, кстати, я не самый рьяный поклонник примадонны российской эстрады, но тем летом мотив песни: «Озеро надежды, всё как есть прими. Пусть никто не понял – ты меня пойми...» постоянно вертелся у меня в голове. Первое время я даже и рассказ хотел так назвать: «Озеро надежды», но потом передумал – слишком уж конец у этой песни грустный. Конечно, если прислушиваться к словам...

Так прошло то лето, ещё одно лето в длинной череде моих лет и зим. Промелькнуло – даже не заметил, с возрастом оно так. Это в детстве лето бескрайно, длится целую вечность... Если бы я мог отдать хоть одно своё лето Игорьку!

Пришла осень. Не такая, как в прошлом году: дожди, дожди. Одно радовало: я не надрывался в битве за урожай. Его, урожая, почти и не было, но я не расстроился, честное слово. Чего не хватало – прикупил по дешёвке у соседей. И они были рады, и я. Дождливой осенью жена вновь стала редкой гостьей на даче, наверное, у неё и дома имелось много дел. Так что в тот день я был там один, точнее, с Найдой (уж кому не нравилось торчать в городской квартире, так это ей).

С утра, как обычно, накрапывал дождик, и я собирался после обеда ехать домой. Но чего-то мне не хватало, и я решил, несмотря на морось, перед отъездом прогуляться в «секретное место» – возможно, последний раз в этом году. Одед штормовку с капюшоном, резиновые полусапожки, а Найда была уже тут как тут.

Не спеша топал на Старицу, вспоминая Игорька и его отца. Жаль, за всё лето так и не увидел этого весёлого паренька. Где они? Жив ли ещё Игорёк? Я, конечно, очень надеялся на чудо – знал: в жизни возможно всё.

93

Еле дождался, когда проползёт грохочущий поезд из Котласа. Взобрался на насыпь и осмотрел хмурое небо. Ни единого просвета, только серые облака. Дождь прекратился, но мы вымокли, продираясь сквозь сырые еловые лапы. Каждый раз этим летом, когда мы шли вдоль Старицы, я следил за поведением Найды. Надеялся, что вот сейчас она начнёт рваться вперёд, почувяв их. Но каждый раз собачуха вела себя примерно, слишком примерно, что в данной ситуации меня вовсе не радовало.

Спокойной была Найда и в тот день. Оттого, выйдя на полянку, я не поверил своим глазам. Первое, что увидел, – спину мужчины, сидевшего лицом к озеру. Он был одет в синюю куртку. Куртку я видел впервые. Найда, застыв, принюхивалась. Застыл и я, вглядываясь в затылок сидящего, ища в нём сходство с Кириллом.

Вдруг показалось мне, что я попал в чудесную сказку. Тучи расступились, и солнечные лучи осветили полянку. Мужчина, почувствовав наши взгляды, обернулся. Да, это был Кирилл, он улыбался! Мы бросились обниматься, крепко жали друг другу руки. Под ногами, визжа от радости, крутилась Найда. Я оглядывался, ища глазами Игорька, ведь по сказочным правилам он должен быть где-то здесь. На миг я представил, как выбегает он из-за деревьев. Как бросается к нам, точнее, конечно же, к Найде. Как, сойдя с ума от счастья, моя собака лижет его ладони и щёки... Мне так хотелось его обнять!

– Как ваши дела? – услышал я голос Кирилла.

– У меня всё в порядке. Прошлой осенью случился инсульт. Зато теперь я не вкалываю, словно проклятый, на огороде, – отвечал я, всё ещё озираясь. – Да, а ещё по весне я стал дедом.

– Ух ты! Здорово! Рад за вас, поздравляю! – Кирилл всё так же улыбался.

Игорька нигде не было. От затянувшейся тишины мне стало неловко.

Чтобы прервать молчание, я сказал:

– Ещё в прошлый раз забыл спросить. Как ты нашёл это место?

– Старицу? – В глазах Кирилла сверкнула искорка.

– Старицу... – еле вымолвил я. – Откуда ты знаешь...

Ещё не закончил вопроса, а догадка мелькнула в голове. Переварив её, я спросил:

– У тебя, случайно, отчество не Палыч будет?

– Как догадались? – удивился он.

– Хочешь, и фамилию угадаю? Звьянкин! Верно?

– Верно... А как...

На этот раз вопрос не успел закончить Кирилл. Я сгрёб его, ничего не понимающего, в охапку. От нахлынувших воспоминаний комок подступил к горлу. Я обнимал сына моего лучшего друга Пашки – только когда я его в последний раз видел, был мой друг много младше Кирилла.

Мы разговаривали с Кириллом, заново узнавая друг друга. Он тогда в двух словах поведал мне о непростой судьбе своего отца, но я не стану сейчас об этом. Может, в другой раз расскажу. Добавлю лишь, что много-много лет назад Паша приводил в наше «секретное место» Кирилла, когда тот был ещё мальчишкой. Конечно, Кирилл слышал обо мне от отца.

В общем, так мы поговорили. Всё это, вдруг неожиданно открывшееся нам, конечно, было потрясающе интересно. Обо всём подробно нам предстояло поговорить в скором будущем. И уж теперь-то мы знали: не потеряемся. Потом мы вновь притихли. Пришла пора поговорить о нём.

Присев на берегу, мы молча смотрели на озеро. По воде бежала мелкая рябь. Я видел перевёрнутые сосны, отражённые в кривоватом зеркале Старицы. Напрыгавшаяся Найда улеглась рядом, прижав длинный нос к земле. Я тихонько гладил её по холке.

Кирилл, вытащив из внутреннего кармана куртки какой-то листок, протянул мне. То было фото, сделанное прошлой осенью. С карточки на меня взирал вполоборота Игорёк, он куда-то убегал (наверное, Кирилл гнался за мальчишкой с фотоаппаратом, чтобы сделать кадр). Лицо Игорька, довольное-предовольное, лучилось счастьем, смеющийся рот застыл широко открытым. В моих ушах слышался звонкий мальчишеский хохот, словно долетевший из прошлого.

– Он ушёл от нас в начале зимы. Помните, вдруг резко испортилась погода? Вот тогда и произошло обострение. Не скрою: и ему, и нам было очень тяжело. Вначале Игорёк слёг, стал сонным, вялым. Плохо слушались ручки и ножки. Постоянно кружилась голова. Аппетит совсем пропал. Началась тошнота, рвота, как сказал врач, из-за смещения мозга. Временами он страшно мучился: болела голова из-за сильного внутричерепного давления. Игорёк стал плохо видеть, пошли галлюцинации: вспышки какие-то мерещились ему. Нарушилась речь, и с памятью совсем плохо стало. Вечером он

не помнил, что утром приходила навещать бабушка. – Голос Кирилла чуть дрогнул, нервная улыбка коснулась его губ. – Но Найдю он помнил! И вас. И моё обещание построить корабль и отправиться в путешествие... Да, что и говорить, дети – такой наивный народ. Знаете, какие были его последние слова? Я сидел у постели с мокрыми глазами, а Игорёк посмотрел так жалобно и шепнул: «Папа, тебе соринка попала». Отмучился наш малыш, всё теперь позади. Мы с женой стараемся вычеркнуть из памяти то тяжёлое время, хотим навсегда запомнить нашего сыночка вот таким.

Он кивнул на фото. Я снова посмотрел на убегающего от нас куда-то вдаль счастливого мальчишку и попытался найти слова:

– Он был чудесным ребёнком. Мне жаль, что так случилось. Очень!

– Да, это так. Но я сейчас понимаю: каждый ребёнок – чудесный.

– Но Игорёк... Игорёк... – Я задохнулся, не в силах говорить.

– Мы с женой очень хотим ещё родить, не знаем, получится или нет, но решили: этой осенью подаём документы на усыновление сироты. Хоть одного человечка мы сможем сделать счастливым.

Перестав стесняться, я тихо плакал. Кирилл, посмотрев на меня, сказал:

– О, кажется, вам соринка в глаз попала.

Я кивнул и, глянув на его лицо, ответил:

– Похоже, у нас обоих соринки.

Так мы и сидели в нашем «секретном месте» на берегу Старицы ещё долго-долго. Ветер потихоньку разогнал облака и осушил наши щёки. Сияло солнышко. Очень медленно становилось легче на душе...

Когда тёмным вечером возвращались с Найдой домой, из динамиков в нашем выдавшем виды жигулёнке на ретроволне звучала песня:

*Куда уходит детство,
В какие города?
И где найти нам средство,
Чтоб вновь попасть туда?
Оно уйдёт неслышно,
Пока весь город спит,
И писем не напишет,
И вряд ли позвонит.*

В свете фар наплывала на нас дорога. А знакомые слова старой песни обретали в сознании новый смысл.

*Куда уходит детство,
Куда ушло оно?
Наверно, в край чудесный,
Где каждый день кино,
Где так же ночью синей
Струится лунный свет,
Но нам с тобой отныне
Туда дороги нет.*

Моя левая рука крепко сжимала руль, правая же протянулась к Найде. Я гладил собаку, сидящую на пассажирском кресле, а она, навострив уши, напряжённо вглядывалась в дорогу и, кажется, вместе со мной слушала песню.

*И зимой, и летом
Небывалых ждать чудес!
Будет детство где-то, но не здесь.
И в сугробах белых,
И по лужам у ручья
Будет кто-то бегать,
Но не я...**

95

С тех пор прошло лет пятнадцать, больше. Я давно не был на Старице: ноги не те. Да и вообще с моим теперешним здоровьем не до дальних прогулок. Вечерами всё так же, выключив телевизор после программы «Время», долго сижу я в своём старом добром кресле (жаль всё же, что не получится прихватить его на тот свет). Закрыв глаза, размышляю о смысле жизни.

Я часто вспоминаю тот древний дуб в «секретном месте», единственный дуб в округе. Он и сейчас такой же, как в моих детских грёзах. И через сто лет, когда обо мне уже никто не вспомнит, этот дуб, всё такой же величавый, будет вышатаься над Старицей. Но даже он не вечен. Каждому отмерен свой срок.

Жена приносит тёплое молоко с мёдом, чтоб легче заснуть. Я пью его медленными глотками. В эти мгновенья мне особенно хочется верить: там, на заветном берегу, время от времени гуляет Кирилл.

Гуляет не один.

* Текст песни «Куда уходит детство» – слова Л. Дербенёва, музыка А. Зацепина.